

Максим Чекмарёв

Цветы любви
и цветы веры

стихотворения

Максим Чекмарёв

**Цветы любви и цветы веры.
Стихотворения**

«Издательские решения»

Чекмарёв М.

Цветы любви и цветы веры. Стихотворения / М. Чекмарёв —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740842-8

Стихи в этом сборнике — попытка запечатлеть два самых глубоких человеческих чувства — веру и любовь. Как бы мы не старались говорить о них, всё равно выходит блёкло по сравнению с жизнью. Но и не говорить невозможно, потому что сердце переполняется и не может молчать.

ISBN 978-5-44-740842-8

© Чекмарёв М.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
«Вечерний дождь сбивает с яблонь цвет...»	7
«Ещё одна осень... Какая по счёту из прожитых?...»	8
«Я сказать хотел бы что-то новое...»	9
Перед сном	10
«Прохлада полночного часа, шелест листвы...»	11
«Эту ночь не отключишь от дня...»	12
«Зимней ночью я в небо смотрю. Ощущаю вращение...»	13
«Липы у дороги поздним летом...»	14
«Зимний день. Воскресенье. Закат...»	15
«Тает корка ледовая...»	16
«Созревая, укрепляясь, расцветая...»	17
«Нет большей глубины, чем глубина молчанья или сна...»	18
«Летний воздух душистый, жаркий и плотный...»	19
«Нежный майский закат золотит тополя, шифер крыши...»	20
Листья	21
Дуб	22
Душа моей Родины	23
«Наступает внезапно предчувствие осени...»	24
Песня шута	25
«Помнишь, утро туманное дымом над речкой клубилось...»	27
«У подножия клёнов течёт ручей...»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Цветы любви и цветы веры Стихотворения

Максим Чекмарёв

Дизайнер обложки Максим Чекмарёв

© Максим Чекмарёв, 2023

© Максим Чекмарёв, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-0842-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Перед вами наивная книга. Во-первых, тем, что я пока ещё верю, что сборники стихов могут быть прочитаны от корки до корки. Во-вторых, тем, что темой стихотворений являются две смутившие человеческой души – любовь и вера. Каждый сталкивался с ними, мало кто может описать их словами, кроме, разве что, как в стихах. В любом случае, верующий и любящий – уязвимы, и я делаюсь с вами моей уязвимостью, которая, быть может, поможет стать уязвимыми и вам, потому что открыться навстречу чему-то и кому-то можно только рискуя.

Максим Чекмарёв, 2015

«Вечерний дождь сбивает с яблонь цвет...»

Вечерний дождь сбивает с яблонь цвет
Вечерний дождь стучится в твердь асфальта.
Он взял в одну лишь сторону билет:
На землю – вниз. Судачить перестаньте,
Что он пришёл не к месту. Отворят,
Закрыв зонты, готовые к безумствам.
Они, наверно, чаще всех стучат,
Потом толкают дверь. За дверью пусто...
И в тихом коридоре, наконец,
В бесшумной темноте весенней ночи
Мы обретём невидимый венец
Любви к пространству одиночеств.

«Ещё одна осень... Какая по счёту из прожитых?..»

Ещё одна осень... Какая по счёту из прожитых?
В туманах над реками, в чистой холодной росе
Умоет она заполошных и растревоженных,
Потерянных. В общем, таких, какие мы все.

Ещё одна осень... Но жизнь продолжается прежняя.
Меняемся только снаружи, но те же внутри.
А дни прорастают нам в память, газетами свежими
Ложатся на полки. Захочешь – пересмотри.

Бывает застынешь, а листья всё падают, падают.
Не в силах идти, но глаза всё глядят и глядят.
И мир, позолотой наполненный, плачет и радует,
И время не движется или струится назад.

Одно непонятно: реальность или просто иллюзия?
А может и то, и другое? На выбор. Что выберешь ты?
Глаза открываются шире, зрачки только сузились.
Светло и цветно... Это солнце горит и цветы.

Горит, не гниёт. А ещё семя загодя сеется.
И травы не сохнут, их зелень стекает в песок.
Их дух сохранится, труха постоит и развеется,
Но после – весною – сгустится в берёзовый сок.

Лишь осеню, слышите, это возможно лишь осеню, —
Дозреть, стать глубоким, как сон, и упрямым, как явь.
Чтоб корни души хоть немного подёрнулись проседью,
Чтоб искоркой в сердце сверкнула желанная Правь.

Здесь в днях акварельных, где краски всегда расплываются,
Сплавляются, с жизнью срастаются. Жизнь есть вода.
И души, смотри, как бутоны цветов раскрываются,
Цветут и не вянут уже никогда, никогда...

«Я сказать хотел бы что-то новое...»

Я сказать хотел бы что-то новое,
Да всё главное, наверно, сказано:
Доброе, тревожное, суровое,
Ироничное, простое и бессвязное...
Можно я отвечу лишь молчанием
И улыбкой глаз немногих сонных.
Хватит Богу наших замечаний,
Саомообвинений и поклонов.
Я бы сел с Ним рядом на скамейке
И болтал ногами, как ребёнок.
Что мне дела до судьбы-злодейки,
Если Бог со мной ещё с пелёнок.
Спорить, мыслить, драться за идеи,
Но к Нему никак не приближаясь, —
Частая, но глупая затея,
Я в ней сам себя порой пугаюсь.
Можно проще — говорить и слушать,
Рядом быть с Отцом, Творцом и Другом,
Наполняя жизнью разум, душу,
Ввысь идти, а не бродить по кругу.

Перед сном

Я пишу эти строки, и время к полуночи
Тихо движется, мне сообщая свой ритм.
Угловатыми гранями старенькой тумбочки
Собираю в стихе перекрестья рифм.

Чтобы снег на асфальт мелкой крошкою падая,
Мельтешеньем своим в свете редких окошек
Вдруг напомнил о мыслях глубоко запрятанных,
Неделимых на группы плохих и хороших.

И всплывают они к яркой точке сознания
Посмотреть мне в глаза, растворяясь неспешно,
Став простым достоянием бытописания,
Словно в чае горячем я сахар размешивал.

Все обиды, печали, минутные радости
И гневливое лёгкое щёк полнокровье
Отступают и тают, признав свои слабости
Перед вечными Верой, Надеждой, Любовью.

Я и сам улыбнусь, преклоняя колени,
Поразившись внезапно открывшейся вечности.
Не вместят нашу душу телесные стены,
Когда станет готова она к бесконечности.

Мы, обнявшись, с тобой засыпаем, и кажется,
Что прошедшего дня суэтливая муть
Через пару мгновений успешно уляжется,
Открывая во сне жизни самую суть.

«Прохлада полночного часа, шелест листвы...»

Прохлада полночного часа, шелест листвы,
Теней деревьев сплетенье на мокром асфальте,
Свет фонарей, свежескошенной запах травы,
Шёпот из недр темноты: «В этой ночи растайте...»

Дайте возможность себе распрощаться со сном,
Пейте чернила таинственных улиц бездонных,
И устремляйтесь, ведомые Млечным путём,
К звёздам и новой земле по полночному сонной!».

Ладан весеннего воздуха после дождя
Терпкий и даже способный расширить сознание
Смело вдыхайте и, пару мгновений спустя,
С губ благодарность срывается как заклинание.

Как хорошо окунутся в прохладную ночь,
Зная что солнце, луна, спящий город, все звери и птицы,
Лица, холмы и равнины, и тучи, спешащие прочь,
Снова и снова готовы всегда повториться,

Но каждый раз уникально. И новая грань
Этой Вселенной сверкнёт то слезой, то алмазом,
То белозубой улыбкой в воскресную рань,
То этим всем ослепительно ярко и разом!

Ночью мы ждём пробужденья, а днём темноты,
Чтобы во сне оживали мечтанья и сказка,
Чтобы страданий и бед растворялись черты,
А новый день был спокоен, приветлив и ласков.

Мир состоит из молитв и ответов на них,
И созерцания мира в обычном течении
Днём или ночью когда ты спокоен и тих,
Мир обнимая в нахлынувшем вдруг вдохновении.

«Эту ночь не отключишь от дня...»

Эту ночь не отключишь от дня,
Темнота не в силах успокоить
И не в силах приобнять меня.
Всё вокруг какое-то пустое...

Но не так, что хочется пропасть
От безвкусности, обрыдлости мгновений,
И хотя бы попросту упасть
В тесное пространство сновидений.

Мне не спится, и горит душа.
Отчего? Увы, понять не в силах.
Лишь в окошко хочется дышать,
Чтоб немногого внутренность остыла.

А потом нести кусочек льда
За грудиной очень аккуратно.
Он растает. Слёзы без следа
Выплачут его во тьму обратно...

«Зимней ночью я в небо смотрю. Ощущаю вращение...»

Зимней ночью я в небо смотрю. Ощущаю вращение
Сфер небесных и сферы земной под ногами.
Ощущаю свободу, но вместе – ещё возвращение
Диких страхов, порою владеющих нами.

В них спасаются бегством все мысли родные, серьёзные,
Пониманье привычного вдруг ухитрившись украсть.
Я боюсь, засмотревшись на небо чернильное, звёздное,
Оторвавшись от почвы, в него вверх ногами упасть.

«Липы у дороги поздним летом...»

Липы у дороги поздним летом,
Пыль забилась в трещины асфальта,
И ворота, движимые ветром,
Нам поют простуженным контральто.

Нет жары, нет ощущенья тела,
Солнца свет и на сетчатке вспышки.
Так реальность странно опростела
Выцветшой картинкой в старой книжке.

Но, наверно, это мне милее,
Чем страстей безумное круженье, —
Теперь каждый новый день согреет
Глаз твоих игривых выраженье.

У любви всегда есть два актёра,
С неба смотрит гениальный Автор,
Чтоб они сыгрались и притёрлись
В вечности, где нет вчера и завтра.

«Зимний день. Воскресенье. Закат...»

Зимний день. Воскресенье. Закат
Сок брусники на небо выльет.
За окном тополя молчат,
А в углу дребезжит холодильник.

Вокруг стен родных прямоугольник
Защищает от внешней стужи:
Жизнь в такой для духовки форме
Выпекает людскую душу.

Из всей мистики главную тайну
Мы откроем в делах домашних.
Так, бывает, судьбу случайно
Узнаёшь, погадав на ромашке.

«Тает корка ледовая...»

Тает корка ледовая,
Меж проталинок проседь,
Поле, сбросив оковы,
Перейдёт снова в осень.

Запах прелой листвы.
Треск в лесу сухостоя.
Шумом новой молвы
Дождь деревья омоет.

Я стою под дождём:
Грусть нечаянно бросит
Ярко-рыжим комком
В сердце вечную осень...

«Созревая, укрепляясь, расцветая...»

Созревая, укрепляясь, расцветая,
Ловишь дней весенних дуновенье.
Кисти рук в луч солнечный вплетая,
Замыкаешь золотые звенья.

У источника кувшин уже разбился,
Колесо колодезя распалось:
Воплотившись, вдруг развоплотился,
Сладкую почувствовав усталость.

Древенея, пожелтев и опадая,
Принимаешь осени причастье.
Сердце тает, улетают стаи,
В даль небес закидывают снасти.

Проверяя запах и прозрачность,
Мироварник старый улыбнётся.
Как посмотришь в мир чуть-чуть иначе,
Так услышишь, как душа проснётся.

«Нет большей глубины, чем глубина молчанья или сна...»

Нет большей глубины, чем глубина молчанья или сна.
Как капля дождевая в речке растворится,
Так не поймёт, жива ль ещё она
Или в рывке финальном в новый мир стремится.

Нет большего огня, чем огонёк свечи,
Что догорает перед светлым лицом.
В нём слышу, как душа чья-то кричит,
И для небес пронзительней нет крика.

Нет большей чистоты, чем грязь души,
Которую признал и исповедал.
Господь рыдал со мной, грех разрешив,
И примирил меня с землёй и небом.

Нет большей мудрости, чем целеустремлённость
Росточка тополиного, который пробьётся
Сквозь бетон и пышной кроной
Над всем окрестным миром вознесётся.

И я приду готовый с сердцем полным
Под сень молитвы, и Божественный покров,
Меня впитав, несёт по миру волны...
Нет больше откровеня, чем любовь!

«Летний воздух душистый, жаркий и плотный...»

Летний воздух душистый, жаркий и плотный,
Полупрозрачный и полудремотный
Мягко колышут сирени и тополи.
Мы в этот вечер по берегу топали
Тихой реки, и речное дыхание
Нас осеняло прохладным касанием,
И окрыляло, и возносило,
И к заходящему солнцу стремило.
Тёплый песок босыми ногами
Мы загребали, и следом за нами
Всё повторяли длинные тени.
Взявшись за руки навстречу слиянию
Глади речной и заката сияния
Шли, и сердца нас обоих истории
Тахикардиями и перебоями
Стали рассказывать. Наше молчание
Душам открыло простор понимания.
За горизонты любимого взгляда
В час столкновенья жары и прохлады,
Ночи и дня мы сумели проникнуть.
К чувству любви невозможно привыкнуть...
Пламенем не обжигающим, словно
Лучик заката, снова и снова
Границ мои и твои расплавляя,
Душу двоих в одну душу сливая
Трудились упорно любовь и солнце,
Чтоб подарить обручальные кольца.

«Нежный майский закат золотит тополя, шифер крыши...»

Нежный майский закат золотит тополя, шифер крыши,
Скромно ветви склонив, рядом стройные клёны стоят,
И звук наших шагов на дорожке асфальтовой слышен,
И вечернего солнца лучи перед нами весь путь золотят,
Словно ткут его неторопливые Ангелы свыше...

Мы с тобой прошагали немало с улыбкой вдвоём,
В каждом дне находя кропотливо златую крупицу,
Озаряя друг друга всегда вместе прожитым днём.
Чтобы радостью тихой светились всегда наши лица,
Мы согласно сердцами неслышнью песню поём!

Листья

По земле прохлада пробежала,
Листья палые оделись в мягкий иней.
Это осень. Я уверен – жизни мало,
Чтоб понять, что происходит с ними.

Распустившись всё тянуться к свету,
Яркой зеленью бескрайний лес наполнить,
А в итоге, на закате лета,
Вдруг опасть, прощальный вальс исполнив…

Дуб

Оголились корни, мхом поросшие,
Могучий ствол много лет нёсшие.
Эх, брат Авраамова дуба, родной,
Ты так же стоял в тишине ночной
В тот день, когда предок мой дальний,
Быв из отчих мест в плен уведён,
К небу не раз простирил взор печальный,
Строив башню во граде, что назвали потом Вавилон.

Душа моей Родины

Радость моя —
Тишина,
Когда слышно, как бьётся сердце России.
Нет, душа моей Родины не темна.
Я видел — она золотая с оттенком серебряно-синим.
Русь —
Самородок земли,
И на ней тихих рек жилы
Вместо дорог пролегли
Летом — жидких, зимой — застылых.
Только здесь
Тишина
Наполняет и смерть, и жизнь.
Нет, душа моей Родины не темна!
Не веришь? Пристальнее всмотрись...

«Наступает внезапно предчувствие осени...»

Наступает внезапно предчувствие осени,
Когда сердце из камня становится золотом.
Этот миг откровенья не ждёшь и не просишь,
Поэтому он оглушает, как молотом.

Листопадными тропами и переулками
Ты пытаешься скрыться, вернуться к привычному.
Кровь в висках всё торопит ударами гулкими
И бросает, играя, на стены кирпичные.

Всё так пусто, так слёзно, темно и неясно,
Но наполнено верой, поэтому держится.
Днём и жёлтым, и медным, и огненно-красным
Душа с телом едины, но всё же не смешиваются.

На скамейке под клёном отпустит тревога,
Мне покой не вернув, не оставив в наследство
Пару чётких следов на тернистой дороге
В память об отзувавшем духовном детстве.

Песня шута

Шапка шута в дрожащей руке,
Зрительный зал пуст.
Скупая слеза на небритой щеке,
И выдох протяжный: «Трус!..».

В зеркале блёклые видишт глаза
И бледный с горбинкой нос.
Силишься снова себя узнать
И осознать, что стряслось.

Но понимаешь, уже готов
На все вопросы ответ.
Я позабыл среди тысячи слов
Едкое меткое «Нет!».

Волей чужой – и друзей, и врагов,
В пьесу был вовлечён.
Она называлась: «Страна дураков,
Или дурной сон».

В ней я играл, забывая себя,
Множество разных ролей,
Душу на мелкие части дробя
В угоду сторонних людей.

Зритель смеялся, порой говоря,
Что видит отменный талант.
Но постепенно силы терял
Горе-комедиант.

Аплодисменты. Занавес. Свет.
Люди ушли неспеша.
И я понимаю, снимая жилет,
Что кровоточит душа.

Сердце, не надо так громко стучать!
Не надо печали и слёз...
В шапке шута я стал замечать
Нити седых волос.

Может быть, ими из лоскутков
Сшить воедино дух?
Корпией в ране высушить кровь
И смыть её с тонких рук.

Театр покинуть, назад не смотря,
Сам своей жизни царь.
И твёрдо решив себя не терять,
Сцену сменить на алтарь...

«Помнишь, утро туманное дымом над речкой клубилось...»

Помнишь, утро туманное дымом над речкой клубилось,
Мы лежали в траве, умываясь холодной росой.
Это жаркое лето как вечность тянулось. Томились
Мы от зноя. Но что для любви этот зной?

Если можешь гореть изнутри – никогда не погаснешь,
Только взрывоопасен огонь неспокойной души.
Ты не бойся, здесь риск не бывает напрасным,
Так гореть – это самая чистая жизнь.

Помнишь зимние ветры, а ты была в лёгком пальтишке.
Я – в осенних ботинках, и тоже продрог и промёрз.
Мы навстречу друг другу бесстрашно-безбашенно вышли.
Если крепче обнять, то не так уж и страшен мороз.

Жар и стужа снаружи ничто, ерунда, безобидны,
Если греют друг друга усердно слова и сердца
Бескорыстно и скромно, что внешне порой и не видно,
Но тепла их и света хватает всегда до конца.

«У подножия клёнов течёт ручей...»

У подножия клёнов течёт ручей,
У сарая растут лопухи и мята,
Треугольно и угловато
Отпечатались лапки грачей
В глине рыжей и комковатой.
Говорю я себе «Опростей,

Стань полынью у перекрёстка,
Деревянной рамой окна,
А напротив него – стена
Выбеленная извёсткой.
И тогда, наверно, сполна,
Я почувствую, что есть «просто»...

Просто жить, словно мелкий дождь
Тихо падать на тротуары,
На асфальт узких улиц старый.
Тонких пальцев привычную дрожь
Над неслушной струной гитарной
Призадумавшись, переждёшь

И ударишь, аккордом случайным
Крик души, вырвавшись, погаснет.
Не умею играть, но ясно —
Можно смыться из лап отчаянья.
Вспышка гнева и та погаснет,
Когда сложность была нечаянной.

Когда эта цепочка мыслей
Кроме «есть» прибавляет «будет»,
«Было», «как», «что подумаают люди»,
То, касаясь высоких смыслов,
Ты завален ментальной грудой
Отборного псевдоглубокомыслия.

И тогда берёзы и клёны,
Закаты, радуга шире неба,
Запах горячего хлеба,
Чай-то взгляд глубокий, влюблённый.
Остаются за рамками, словно не был
В этой жизни от чуда бездонной.

Да и какие чудеса увидишь если
Переполненная маршрутка, счета за телефон,
Газ, свет, выросшая цена на батон

Загружают мозг процентов на двести,
Втаптывают личность в бетон
И расстреливают на месте?

Если вам твердят: «Заработай денег
И познаешь блага цивилизации —
Интернет и канализация
Недоступны, когда ты беден.
Попутно надо учесть инфляцию...»
А ещё под влиянием СМИшных сплетен

Народ озабочен с кем спят звёзды,
Кто из чиновников самый продажный,
Кто в правительстве самый важный.
Времени задать вопрос: «Для чего я создан?»
В пространстве информационно загаженном.
Нет. И люди с глазами бесслёзными,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.